

814

4.121-1

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
и Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТПАРТА

№ 32.021

№

1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1924

СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

П 817 I (ист.) / 1921-I

Комиссия по истории Октябрьской Революции и Р. В. П. (Волынский)

ФУНДАМ. В-КА
Л. К. У.
ПЕРИОДИКА

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исторический журнал ~~Фундаментальная Библиока~~
Комм. Учен. М. т. Зиновьева
Инвентарь № 337

№ 1

1921 г.

*Ист. 32021
22198-1*

БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
Музей В. И. ЛЕНИНА
№ 4680

Две Тетради

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

1921

№ 32-118/1

Весьма желательно было бы восстановить деятельность этой организации по архивам екатеринославского жандармского управления. Менее чем за год работы екатеринославская организация успела всколыхнуть широкие массы рабочих Екатеринослава и окрестностей и заложить основы революционного соц.-дем. движения, которое затем уже не прекращалось, несмотря на все преследования.

Необходимо отметить, что в указанный период заложено было начало работы среди работниц, главным образом, портних.

А. Н. Винокуров.

Из воспоминаний.

Текущая каждодневная работа отвлекает нас, ответственных советских работников, от того, чтобы или отделать обстоятельно какую-нибудь работу, или даже просто поделиться своими воспоминаниями. Между тем большинство из нас, по крайней мере значительная часть народных комиссаров, принадлежит к тому возрасту, который Карамзин в свое время назвал «счастливейшим временем жизни», ибо многие из нас проделали продолжительный жизненный опыт, участвовали в революционной и общественной деятельности, были даже современниками различных революционных эпох. Воспоминания наши могли бы дать не лишенный интереса материал для истории российской революции вообще и нашей партии—в частности.

В дальнейшем изложении я и поделюсь своими воспоминаниями, отрывочными, неполными, беглыми, наскоро набросанными, поскольку можно было написать их в процессе текущей работы.

1. В предрассветном сумраке.

(Начало девяностых годов—1891—1893 г.г.).

Мое первое приобщение к революции (и, следовательно, первая кара, мною испытанная) относится к 1891 г., времени окончания гимназии. Это было в глухом в то время провинциальном городе Ельце (Орловской губ.). Гимназия наша была, пожалуй, типичной для провинциальных среднеучебных заведений: учителя—наполовину пьяницы и психопаты, наполовину—манекены, и лишь отдельные идейные единицы появлялись для того, чтобы резче оттенить контраст и поскорее отряхнуть прах от провинциального болота; к таковым, например, принадлежал известный нововременский писатель В. В. Розанов, старавшийся в преподавании географии

и истории дать нам хоть какие-нибудь идеи; известный филолог Пав. Д. Первов и др.

Тем не менее дух Писарева, Добролюбова, Чернышевского и Михайловского носился и над нашим болотом. В 1890—1891 г.г., когда я был в 8-м классе, мы организовали группу наиболее сознательных гимназистов и устроили нелегальный кружок для изучения Чернышевского, Добролюбова, Скабичевского и других полулегальных писателей. Чтения сопровождались беседами, на которых развивались наивные идеалы не то народнического, не то толстовского пошиба. Приобрели путем взносов небольшую библиотеку, конечно, нелегальную, из перечисленных выше авторов. Но недреманное око начальства подглядело. У нас произвели обыск, поднялась целая буря в стакане воды, некоторых из нас исключили из гимназии (в том числе Семена Леонтьевича Маслова, бывш. министра земледелия в кабинете Керенского); надо мною же, как одним из первых учеников в классе, смилостивились и лишь лишили меня «отличия». Между прочим, я конкретно был уличен лишь в том, что купил в нашу библиотеку «Историю литературы» Скабичевского и «Что такое прогресс» Михайловского и за это чуть не получил волчий билет.

Развязавшись таким образом с гимназией, от всей души проклиная ее, я поступил в Московский университет и тотчас окупился в водоворот студенческой революционной жизни. Московское студенчество в начале 90-х годов уже революционно клокотало. Оно имело свою мощную подпольную организацию — союзный Совет землячеств, составленный из представителей «землячеств», т. е. объединений студентов по месту окончания учения (орловское, воронежское, елецкое и т. д. землячества). С союзным Советом принуждены были считаться и администрация университета и профессура; угроз бойкотом или забастовкой побаивались; влияние союзного Совета среди студенчества было велико и распоряжения его исполнялись беспрекословно. Существовала и тайная организация студенческого суда, так называемая судебная комиссия, которая строго следила за поддержанием дисциплины среди студенчества, чувства солидарности, революционных традиций.

Интересно отметить, что провинциалы представляли собою тогда лучшую, более революционную часть студенчества, чем столичники; они были более демократичны, более идеалистичны; столичники же (питерцы и москвичи) хотя были более развитыми, но среди них было больше презренных «белоподкладочников», т. е. пшютов и карьеристов.

Своими земляками («ельчанами») я вскоре был выбран представителем в союзный Совет. Здесь собраны были тогда сливки всего студенчества. Многие виднейшие теперь литераторы и общественные деятели были тогда членами Совета (например, Богданов, Базаров, Смидович и др.). В начале я ушел с головой в чисто революционную студенческую работу в качестве члена Совета, но вскоре в воздухе все сильнее стало пахнуть нарастающим рабочим движением. Союзный Совет, как чуткий барометр, стал реагировать на это, с.-д. идеи стали проникать в него, выделилась группа членов с.-д. К ней принадлежал и я. Это было в 1893 г. С этого времени начинается уже мое участие в с.-д. движении.

II. На заре с.-д. движения.

(1893—1901 г.г.)

О рабочем движении начала девяностых годов мне уже приходилось писать (см. сборник «На заре рабочего движения в Москве»). Об этом периоде еще более подробные воспоминания уже опубликованы (в том же сборнике) другими товарищами. Не повторяясь, мне хотелось бы только напомнить еще раз, что начало девяностых годов (1893—1895 г.г.) характеризовалось несомненным ростом рабочего движения и созданием Российской с.-д. рабочей партии (ее программы и тактики).

В конце 1894 года, в связи с подготовлявшимися нами демонстрациями по поводу ходынской катастрофы (по возмутительной небрежности царских чиновников на Ходынском поле во время коронации царя погибло много тысяч московской бедноты), я был арестован и посажен в тюрьму.

Теперь уже трудно представить себе то возмутительное отношение к заключенным, которое позволяла себе тогдашняя «охранка»: террор, допросы в полночь, с постели; гнусные предложения, полный произвол,—все это испытывали тогда заключенные. Задачу мы поставили себе одну: как-нибудь отделаться и надуть жандармерию. После трехмесячного заключения (между прочим, одним из моих соседей, с которым мы часто перестукивались, был В. Г. Громан) я был выслан из Москвы на 3 года в гор. Елец.

Для революционного движения тогдашнего времени эти массовые ссылки и высылки имели весьма благоприятное значение: они рассеивали («диссеминировали», как сказали бы медики) революционные идеи. В частности, и захолустный Елец с моим приездом получил такую «революционную бацилку». Тотчас в Ельце организовались две партии: народническая, во главе с С. Л. Масловым,

и с.-д., которую организовал я. Между прочим, к нашей марксистской группе принадлежал тогда известный теперь писатель Михаил Михайлович Пришвин, не оставшийся, впрочем, марксистом до конца. Интересно, что даже в таких захолустных центрах, как Елец, марксистская работа не ограничивалась тогда только идейной пропагандой. Даже там уже развивалось рабочее движение. В частности, мы, марксисты, вели там пропаганду и агитировали среди железнодорожных рабочих; так как нас всех наперечет знала местная жандармерия, то приходилось быть «мудрыми, как змеи» и пользоваться довольно распространенным тогда легальным прикрытием «воскресных школ» для рабочих.

Для нас, ссыльных, эта тогдашняя ссылка имела громадное идейное значение. Я наблюдал не только по себе, но и по другим, какую идейную школу мы прошли тогда. Не один я, вследствие вынужденного бездействия, углубился в основательное самообразование: я лично, могу сказать без преувеличения, основательно проштудировал и всю историю, и философию, и литературу, притом по первоисточникам, по классикам, по оригиналам. Все томы Маркса мы знали твердо. Многие даже ломали мозги на подлинном Гегеле. Заложенные тогда знания остались у меня фундаментом на всю жизнь. И часто даже теперь приходится апеллировать к знаниям, полученным тогда, не говоря уже о том, что тогда были задуманы и литературные работы.

В 1897 году кончился период моего елецкого прозябания, и после долгих мытарств мне удалось, наконец, поступить в Казанский университет для продолжения образования.

Сразу же бросилось в глаза, насколько выросло и возмужало рабочее движение. Помимо напряженной работы в университете, мне удавалось принимать участие и в жизни с.-д. организации. Рабочая жизнь тогда уже бурлила в Казани: стачки на крупных казанских заводах (наприм., Алафузова и Свешникова) разливались все шире и шире. С.-д. работа выражалась уже не только в довольно развитой пропаганде по кружкам, но и в массовой, по крайней мере, печатной агитации.

Мне лично приходилось принимать участие, как пропагандисту в рабочих кружках, и писать прокламации, и самому же печатать их. Наша с.-д. группа все крепла и крепла; мы вливали в нее все новые силы. Между прочим, тогда мы привлекли к с.-д. работе А. И. Рыкова, нынешнего председателя В. С. Н. Х.; тогда же был привлечен нами — впоследствии видный меньшевик — Н. И. Редкозубов.

Работа ширилась, кипела. Казанская с.-д. организация разрасталась. Но «недреманное око» начальства неустанно приглядывало за мной и прервало мою казанскую работу новым арестом. Я был, разумеется, «на счету» у жандармерии, и во время демонстрации 1900 г., в которой я принял участие, нас арестовали и заключили в тюрьму.

Опять пошла знакомая картина сидения, допросы. Мы, «старые», всячески изворачивались. Против меня, наприм., жандармерия не могла предъявить никаких улик, с.-д. работа у нас шла дружно, от шпигов отделяться мы умели, провокации не было. В результате я был выслан из Казани без права въезда в крупные города.

Сама по себе незначительная кара тогда мне была очень чувствительна: я кончил университет и дело оставалось только за государственными экзаменами. Но я поступил так, как поступил еврей в анекдоте, когда какой-то праздник предписывал ему приостановить всякое путешествие, кроме водного (морского); он поставил в вагоне ноги в таз с водой и спокойно продолжал путешествие.

Точно также и я: поселился под Казанью, вне черты города, и, заgrimировавшись, ходил на экзамены, каковые благополучно и сдал.

После этого начались мои мытарства и кочеванья из города в город. Семья мешала мне жить нелегально, но стоило мне появиться в каком-нибудь городе, как тотчас губернатор «не утверждал» меня и тем лишал всякого заработка. Так кратковременно пришлось жить в Самаре, Бузулуке, под Орлом. С самарской с.-д. организацией я имел дело в 1902 году, с орловской — в 1903 году, но оба эти города не имели тогда большого промышленного значения, и партийная работа хотя и велась, однако, не в больших размерах.

III. На восходе солнца революции.

(1904—1906 г.г.)

Наконец, при посредстве либеральных земцев (покойного члена думы Савельева и Килевейна) и при попустительстве либеральствовавшего вице-губернатора Бирюкова (брата известного толстовца), мне удалось укрепиться на более продолжительное жительство в Нижнем-Новгороде; это было в 1904 году. В воздухе уже пахло политической «весной». Нижний, рядом с которым расположен известный Сормовский завод, волновался. Стачки, демонстрации

сменяли одна другую. Наша организация едва поспевала за движением, ибо, как общее правило, направление в сормовской работе, несмотря на существовавшие там районные организации, давал нижегородский комитет. Несмотря на мою опытность в конспирации и на долгую партийную школу, которую я прошел, мне все же за эти годы пришлось дважды познакомиться с нижегородской тюрьмой: первый раз в начале 1905 года по обвинению в составлении прокламации; на этот раз заключение было непродолжительное, и удалось скоро отвертеться; арест в конце 1905 года повлек уже почти годичное заключение.

Надо заметить, что собственно нижегородская работа представляла не так много интересного, ибо Нижний—город ремесленный. И только в 1905 году, во время «свобод», мы развернули в городе громадную работу среди населения и среди войск: чуть не каждый день громадный Народный дом был битком набит тысячами слушателей; в определенные дни устраивались систематические политические лекции, в другие — митинги. На нашей стороне были войска, у нас же была вооруженная сила, так называемая «дружина». Но все же, хотя в Нижнем жизнь кипела, главное наше внимание и главный интерес направлен был на Сормово.

В Сормове, вероятно, в одном из первых мест в России, в начале 1905 года была завоевана явочным порядком свобода собраний; под открытым небом, на краю поселка, стекались рабочие; а мы тут же, иногда, с крыши дома произносили свои речи, ничуть не сокращая и не затушевывая своих лозунгов, призывая к вооруженному восстанию, к классовой борьбе и т. д. А полиция и жандармерия жалась тут же и не дерзала силой разогнать собрание.

После же октября 1905 года жизнь и в Нижнем и в Сормове закипела особенно сильно. Фактически власть в Нижнем перешла в наши руки; губернатор (барон Фредерикс) спрятался у себя во дворце с небольшой кучкой верных ему полицейских и с трепетом ждал «ареста». В наших руках был весь город. На нашей стороне были войска, даже офицерство. И лишь подавление восстания в других городах положило конец свободе и в Нижнем.

В декабре 1905 года, вместе с разгромом Москвы, наступил и наш разгром. Я был арестован и посажен в тюрьму. После почти годичного заключения был освобожден по болезни под большой залог и через некоторое время эмигрировал за границу.

IV. Эмиграция.

(1907—1917 г.г.)

Обыкновенно принято смотреть на эмигрантские споры, как на склоку оторванных от жизни «бывших людей». Так в значительной мере думал и я, принимавший непосредственное участие в этих спорах. Но это глубоко ошибочно. Разумеется, нельзя отрицать известной доли излишней обостренности споров, иногда некоторого даже личного элемента, борьбы самолюбий, симпатий и антипатий, излишней желчности людей, выброшенных из привычных условий жизни, тоскующих о родине и практической политической работе, бедствующих и голодающих на чужбине.

Но все это чистейшие пустяки по сравнению с той громадной идейной работой, которая проделывалась в эмигрантских кругах. Без преувеличения можно сказать, что именно здесь оттачивалось оружие революционного марксизма. И если наша партия являлась и является самой выдержанной в своих принципиальных воззрениях партией революционного марксизма во всем мире, то заслуга в этом в значительной мере падает на нашу эмиграцию после 1905 года. К этому выводу особенно приходишь теперь, когда ретроспективно просматриваешь прямой путь, который проделала наша партия к коммунизму, когда другие уклонялись, извивались, отходили, и когда видишь, что вехи для этого прямого пути положили наши эмигрантские споры, в которых закалялась и оттачивалась наша коммунистическая программа и тактика.

Я попал в эмиграцию в начале 1907 года. Это было время ожесточеннейших споров об оценке восстаний 1905 года. Знаменитая фраза Плеханова—«не надо было братья за оружие»—наиболее ярко характеризовала позиции меньшевиков. Мы же тогда доказывали, что декабрьские восстания—опыт, урок, предвестник грядущего победоносного восстания пролетариата.

Понемногу Женева стала превращаться в центр эмигрантской жизни. Сначала из большевиков приехал сюда Алексинский, потом тов. Ленин со всей редакцией «Пролетария» (с т. Зиновьевым, Иннокентием (Дубровинским) и др. Из меньшевиков, помимо жившего здесь постоянно Плеханова, постепенно съехались Мартов, Дан, Дейч, Аксельрод и др. Довольно сильную группу составляли анархисты, значительно слабее—с.р. (с Шишко, Бахом). Можно было бы целую книжку написать о знакомстве и личных впечатлениях о всех этих лидерах основных наших политических течений. Не каса-

ясь живых скажу только два слова об умерших—Дубровинском и Плеханове. О т. Иннокентии (Дубровинском), впрочем, уже было подробно рассказано в печати (см. сборник «На заре рабочего движения в Москве»). Всякий, кто сталкивался с ним, никогда не забудет его следующих основных черт: искренности, преданности делу и неутомимости в работе. Скромный, с постоянной юмористической улыбкой на губах и вечно занятый, т. Дубровинский, сейчас как живой, стоит перед моими глазами.

Совсем другое впечатление производил Г. В. Плеханов. Он приходился мне дядей (он родной брат моей матери), и по приезде я тотчас поспешил познакомиться с ним, которого мы в семье любили, даже боготворили, и всякое сообщение с которым правительство прерывало самым беспощадным образом (за переписку с ним была выслана одна из моих теток, которая потом умерла за границей «от тоски по родине», как говорили у нас в семье). Но мой большевизм служил постоянным препятствием для сближения между нами: в том и заключалась, между прочим, сильная черта натуры Плеханова, что он был целен и тверд, как сталь: личных расположений он никогда не отделял от политических симпатий.

Особенно испортил наши отношения мой арест в Женеве в 1907 г. Это было нелепейшее и бессмысленнейшее событие во всей моей жизни. Попасть в кутузку в «свободнейшей стране мира» и по прямому недоразумению: меня связали с знаменитой тифлисской экспроприацией в 1907 г., тогда как в Тифлисе я никогда не был, никакого отношения к этой экспроприации не имел, узнал о ней только из газет и, что особенно досадно, к слову сказать, я был из тех большевиков, которые тогда принципиально стояли против экспроприации. А поводом для ареста послужило следующее обстоятельство: одна из арестованных, в связи с разменом денег за границей, написала своему мужу письмо на мой адрес, с просьбой передать мужу. Этого оказалось достаточно, чтобы швейцарская «демократическая» власть ввергла меня на 2 месяца в тюрьму в одну камеру с уголовными жуликами, а русское правительство поспешило придраться к случаю и потребовать моей выдачи.

Все это было явно нелепо и вздорно. Тем не менее мне предстояла неприятная перспектива—попасть в лапы к царскому правительству по обвинению, помимо других действительных наших счетов, еще в экспроприации, т. е. быть, несомненно, вздернутым. Тем не менее, когда моя жена встретила с Плехановым (при его влиятельности в Женеве одного слова его было бы достаточно,

чтобы выяснить это недоразумение), после формальных родственных соборознований об аресте, он сухо сказал: «Ну, что, же, с кем поведется, от того и наберется», намекая на мой большевизм.

Повторяю, все это я рассказываю не для того, чтобы жаловаться на «черствость» и «жестокосердие» Плеханова, а для того, чтобы ярче подчеркнуть его основную, на мой взгляд, черту: принципиальную выдержанность даже в мелочах; и в личной жизни, и в политике он был целен и един. И наши личные отношения, как тень, следовали за политическими отношениями между Плехановым и большевиками, мы были далеки в 1907—1908 г.г., после декабрьского восстания, мы стали гораздо ближе в 1910—1912 г.г., когда разгорелась совместная борьба плехановцев и большевиков против ликвидаторства, наши отношения совсем порвались в 1917 году. Принципиальная выдержанность, доходившая до идейного ригоризма, это—первая основная черта покойного Плеханова.

Вторая его черта—блестящий ум. Что Плеханов был гениально умек, это ясно уже из его произведений. Но только Плеханов собеседник давал понятие о блеске его ума. Г. В. любил и умел этим похвастаться: он нарочно подбирал соответствующие выражения, индивидуализировал их по слушателю. Помню его разговор с Гапоном, который, прибыв за границу, попытался использовать Плеханова для продолжения своей популярности: он предложил Г. В.-чу своеобразное разделение труда: ты будешь головой, а я руками. И как едко отшил его Плеханов. Помню его ряд эпитетов по адресу тогдашних лидеров (в том числе Алексинского), от которых, как от выжженного клейма, не скоро освободишься. Но что особенно характерно было для Плеханова, что каждая мысль его, даже вскользь брошенная, обнаруживала его безграничную эрудицию, в частности, колоссальную философскую школу, которую он прошел. Цитаты из философов были его любимыми прибаутками. Бывало, как яркую искру, пустит он такую цитату, и озарит она для собеседника неведомую область.

Но была одна сквернейшая, даже отвратительная черта в Плеханове—способность окружать себя полнейшими ничтожествами. Невольно бросался тогда в глаза контраст в этом направлении между обоими лидерами: т.т. Лениным и Плехановым. Иннокентий (Дубровинский) часто упрекал т. Ленина, что он лучше напишет сам один целый номер «Пролетария», чем пригласит сотрудников. Но это неправда. Т. Ленин всегда умел собрать вокруг себя хороших организаторов и работников и умел найти для каждого из них наиболее подходящее дело. Совсем другое дело Плеханов. В част-

ной жизни было обидно видеть, что такой гениальный человек приближает к себе такую шпану. В 1907 году его адъютантом состоял некий Матросов, явный шарлатан, аферист, спекулянт, к тому же дурак; он приносил Плеханову чужие сочинения, выдавая их за свои. И Плеханов верил и печатал их в своем органе. По холуйскому поведению этого Матросова казалось, что Плеханову (и в особенности его жене) нужно, чтобы был при них адъютант, подающий галоши, шубы и т. д. Когда установились приятельские отношения между большевиками и плехановцами в период борьбы с ликвидаторством, просто стыдно было за плехановских представителей на наших открытых собраниях с меньшевиками: обыкновенно мы просили этих представителей благоразумно молчать и только глубоко мысленно поднимать руки за нами. Почти единственным представителем плехановцев, который не говорил хотя геркулесовых глупостей, был тов. Раппопорт; остальные же плехановские «лидеры» — знаменитый М. Б. и др., — были полнейшее ничтожество. Причина здесь была в том, что Плеханов был не организатор, а литератор. Но некоторую роль сыграло и «барство» Плеханова — отрывка дворянского происхождения. Прошедший в молодости суровую школу эмигрантской нужды, Плеханов под старость обуржуазился в личной жизни. Барская квартира, придирчивая обстановка для работы (иногда непременно требовалось, чтобы черный кот Васька лежал тут же), сановные приемы, — все это дополнялось штатом подхалимов-адъютантов, которые, может быть, хороши были в передней, но прямо срамили на всех заседаниях.

Но продолжим эмигрантские воспоминания. Итак, после-декабрьский период эмиграции характеризовался теми же спорами, которые велись и в России: об отношении к вооруженному восстанию, к Государственной Думе (участие в ней, задачи с.-д. фракции в ней и т. д.). Исторической заслугой большевиков останется, что, несмотря на модное тогда хаянье со стороны «премудрых пискарей», идея вооруженного восстания была защищена, сохранена и дала исход в 1917 г.

На этой почве были сначала резкие споры в наших общих с.-д. группах, а затем раскол. Мы образовали свою организацию; меньшевики, бундовцы и проч. братья — свою.

Заслуживало бы специального описания крупнейшее событие международного движения в 1907 году, в котором эмиграции пришлось принять непосредственное участие — штутгартский международный социал. конгресс. Ведь на этом конгрессе решались, между прочим, две основные проблемы международного движения:

отношение партии к профессиональным союзам и отношение пролетариата к войне. В этом отношении штуттгартский конгресс был самым важным из всех международных конгрессов за последние десятилетия. С другой стороны, это была последняя встреча международными представителями престарелых вождей вроде, напр., Бебеля. Никогда не забуду тех теплых оваций, с которыми встречались эти вожди, особенно Бебель, как будто все знали, что провожают его уже в могилу.

Но для нынешнего момента актуальное значение имеют дебаты об отношении к войне, которые велись на этом конгрессе. Уже тогда, несмотря на мирную обстановку, гениальными вождями предвиделись те разногласия, которые теперь ясны любому обывателю.

Тогда на конгрессе по этому поводу, наметились три течения: «революционное» «левое» течение Эрве, бранившего «патриотами» социалистов и требовавшего обязательного объявления забастовки и вооруженного восстания в случае какой бы то ни было войны. Метаморфоза с авантюристом Эрве, во время империалистической войны бросившим известный лозунг: «да здравствует русский царь», лишней раз показывает, что «левее» революционного марксизма быть ничего не может, кроме авантюризма, шарлатанства или сумасшествия. «Центр» в этом вопросе занимала германская делегация, всячески затуманивавшая разногласия и, следовательно, затемнявшая вопрос. И, наконец, действительно левое и действительно революционное течение выражали собою те, на вид скромные поправки, которые внесены были за подписью т. Ленина и Р. Люксембург; между тем в этих скромных поправках как будто скрывалось предвидение всей будущей тактики, всех будущих событий и предстоящих разногласий. Там устанавливалось отрицательное отношение ко всякой войне, хотя бы ведущейся под флагом «оборонительной»; там указывалось на обязанность пролетариата превратить военное столкновение между капиталистическими государствами в гражданскую войну против капиталистов и т. д. Скромная, малочисленная, русская большевистская делегация на штуттгартском конгрессе, в мирный момент, когда никто и не помышлял о предстоящей катастрофе, наметила революционную тактику во время войны,—тактику, которая теперь дала блестящие результаты, признаваемые даже нашими врагами.

Надо вообще заметить, что в эмигрантских кругах мы, большевики, всегда были в меньшинстве. Это вполне понятно: эмиграция на ⁹⁹/₁₀₀ состояла из буржуазной интеллигенции, тяготевшей к меньшевикам, к соглашению с либералами. Поэтому мы были как бы

белыми воронами в этой черной стае. Нас травили, даже бойкотировали, не останавливались и пер д сплетнями.

Особенно широко и остро стали наши с.-д. разногласия в вопросе о ликвидаторстве. Это было в 1910—1912 г.г., когда идейный центр эмиграции переселился в Париж. Я был тогда секретарем заграничного бюро Центр. Комитета (так называемое З. Б. Ц. К.). Противно было наблюдать тех ликвидаторов, буржуазных сынков, которые с брезгливым видом «умудренные опытом» поливали помоями нашу нелегальную партию, харкали и плевали на все самое дорогое для каждого революционера. Для меня остается непостижимым, как такие старые с.-д., как Мартов и Дан, у которых ликвидаторство имело, разумеется, идейный и приличный (хотя, конечно, глубоко вредный) характер, как не понимали они, во главе какого отребья ренегатов, трусов-либералов, с.-д. прихвостней они идут. И крупнейшей заслугой Плеханова (по-моему, у него две исторические заслуги: основоположение с.-д. и марксизма и борьба с ликвидаторством) было то, что в момент этого халянья нелегальной деятельности, оглушавшего вся о необходимости ликвидировать нашу нелегальную, партийную организацию, Плеханов громко бросил свой лозунг: «Да здравствует подполье». Старый революционер сказался тогда в нем, он выступил против приспособлений к столыпинской легальности, против урезывания наших лозунгов, против искажения нашей программы и тактики. Этой заслугой в тяжелую годину реакции не забудет ему, несмотря на все его ошибки, русский пролетариат.

Мы, большевики, вели самую решительную и резкую борьбу с ликвидаторами. Мы раскололись с ними, не уступив ни пяди из нашей революционной позиции. Мы раскололись и с плехановцами, и с нашими «примиренцами» (Марк Любимов, Лева Владимиров, Лозовский и др.), когда они попытались усесться между двух стульев. Мы остались одни: в З. Б. Ц. К. я остался буквально один и, согласно постановления Ц. К. партии, не отдал ликвидаторам кассы и архива (я был секретарем и казначеем). Яростный поток грязи, клеветы обрушился на нас. Большевики писали, что я «украл» деньги, выносили клеймящие резолюции, а в черносотенной «России» было напечатано, что жида Александров (такова была моя партийная кличка) и Ленин украли у своих товарищей деньги и скрылись в Америку: таковы де нравы разложившейся русской эмиграции.

Эти два вопроса (о революционной тактике в связи с отношением к вооруженному восстанию и задачам парламентской деятельности и об отношении к ликвидаторству) являются, по моему, основ-

ными в идейных спорах наших во время эмиграции. Были и др., более мелкие (например, о богоискательстве и об отношении к религии, когда особенно остро полемизировали Плеханов и Луначарский), тем не менее очень важные и интересные, но было бы долго останавливаться на них.

Надо отметить, что наша большевистская заграничная организация представляла исключительное явление по той живой связи, которую она поддерживала с работавшими в России товарищами. Я не хотел бы сейчас публично восхвалять т.т. Ленина и Зиновьева, но надо прямо поражаться той энергии и тому искусству, которое они проявляли в руководстве российской работой. Тов. Зиновьев, как организатор и практик, как бы providенциально создан для роли сотрудника т. Ленина. Я уже не говорю о том, как прекрасно поставили они распространение (и, следовательно, влияние) заграничной нелегальной печати в России; как они организовали партийную школу под Парижем, партийную конференцию в Праге, постоянное снабжение работниками партийных организаций в России и т. д. (общезвестна заслуга в этом отношении Н. К. Ульяновой).

Больше того: этот большевистский заграничный центр руководил в самом прямом смысле слова российской работой не только Ц. К., но всех мало-мальски крупных провинциальных организаций. Даже легальные выступления (в Думе, в печати, в собраниях) производились по непосредственным указаниям заграничного партийного центра; например, добрая часть чуть не каждого номера «Правды» была заполнена статьями заграничных авторов.

Наверно, много еще появится воспоминаний об эмиграции этих годов, ибо громаднейшему большинству теперешних ответственных работников суждено было вывариться в котле эмигрантской жизни. И заранее можно предсказать, что все авторы будут отмечать следующие две основные заслуги тогдашней заграничной организации: 1) решительное содействие практической работе в России; 2) роль лаборатории, где выковывались революционно-марксистские теория и тактика.

И если российское рабочее движение может гордиться тем, что в нем, как нигде в мире, в такой мере гегемония принадлежала и принадлежит течению революционного марксизма, что это движение в общем и целом менее, чем где-либо, отклонялось вправо и в псевдо-л-во, то заслуга в этом в значительной мере падает на большевистско-эмигрантский центр.

Н. Семашко.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
I. Статьи	3
От Истпарта	3
А. Бубнов. Октябрьские бюджетеры Ц. К. большевиков	10
Б. Эдельман. К истории возникновения Р. С.-Д. Р. П.	20
По поводу статьи Акимова	68
В. Невский. К вопросу о первом съезде Российской социал-демократической партии	82
II. Материалы по истории контр-революции	114
Письмо Авксентьева к с.-р. юга России	114
Письма Сазонова председателю сов. мин. прав. Колчака Вологодскому и Набокова Колчаку	121
Письмо Карташева мин. вв. дел прав. Колчака Пенеллеву	136
Попытки Италии торговать с контр.-рев. Доном	147
III. Записки и воспоминания	150
Вл. Виленский (Сибиряков). Октябрьские дни в Сибири	150
А. Шестаков. На заре рабочего движения в Донбассе	156
А. Н. Винокуров. Воспоминания о партийной работе в Екатеринославе	164
Н. Семашко. Из воспоминаний	167
БИБЛИОГРАФИИ: М. Ольминский. Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. сочинений, т. IV. — <i>Его же</i> . Е. Преображенский. Бумажные деньги в эпоху пролетарской революции. — <i>Его же</i> . Л. Дейч. 1) Хождение в народ. 2) С. М. Кравчинский. 3) Русская революционная эмиграция 70-х годов. — <i>Его же</i> . Ник. Ашешов. 1) А. И. Желябов и 2) Н. П. Рысаков. — П. Л. 1) 1 марта 1881 г. Прокламации и воззвания, изданные после царубийства. 2) И. Д. Лукашевич. 1 марта 1887 г. — <i>Его же</i> . «Творчество» № 7—10 1920 г. — А. Бубнов. Материалы по истории революционного движения, т. I, под ред. В. Т. Илларионова. — С. Плотковский. Н. Лебедев. Борьба русской демократии против большевиков. — <i>Его же</i> . Три года борьба. Октябрь 1917 г. — Октябрь 1920 г. — А. Ольд'Ор. Красный часовой Кронштадт. — П. Лепешинский. Ценное свидетельское показание	
	180